

Сентиментальный bad guy

Александр Атанесян привез на «Кинотавр» гламурчик

Екатерина Сальникова
Сочи

«Кинотавр» завершен. К сожалению, на момент подписания номера его итоги еще неизвестны, поэтому пока — о последних ярких впечатлениях.

Тихо потряс зрителей «Любовник» Валерия Тодоровского. История любви двух мужчин к одной умершей женщине явилась чуть ли не единственной историей про реальную мирную жизнь и реальные переживания реальных людей. Не только Сергей Гармаш выступил в несвойственной ему роли лирического героя, но и Олег Янковский сыграл без единого клише.

Но рядом с «Любовником» были и картины иного сорта. Наталия Погоничева продемонстрировала долгожданный дебют — «Теорию запоя». Фильм оказался стебным, но бледным аналогом «ДМБ» и «Особенностей национальной охоты», упрятанным в сплошные интерьеры. Александр Митта оглушил собравшихся «Раскаленной субботой» — триллером, доводящим до абсурда мифологемы о политиках, женах состоятельных, но занятых людей, авантюристах и бизнесменах. Оторванные головы и взрывы — для страха и зрелищности. Осенний лес — для цветовой гаммы. Голые тела в этом лесу — для эротики. Мир превращен в кислотный клип.

На этом фоне слегка анемичный «Летний дождь» Александра Атанесяна воспринимался почти как подарок. Ноль эмоций — но и полное отсутствие раздражающих спецэффектов. Ноль логики — зато и ноль агрессии. Герои без характеров, упакованные в красивые наряды и идеальный дизайн. Как сказал режиссер, эту эстетику правильнее всего назвать «гламуром».

— Александр, и ваш дебют «24 часа», и «Летний дождь» — кино про богатых. Это ваша идеология: снимать кино про тех, кто может заплатить за билеты в кино?

— Я убежденный сторонник того, что кино это фабрика грез. Я уверен, что зритель всегда хочет жить лучше, и жизнь на экране должна выглядеть лучше, чем в реальности. Отражение действительности — дело газет и ТВ. А в кинематографе публицистика мешает. Если режиссер снимает про непосред-

ственную реальность, он должен подождать и осмыслить ее. Но тогда она перестанет быть непосредственной реальностью. Я не могу касаться тем войны и нищеты, потому что сначала надо понять, почему такова реальность. Я не могу врываться с шашкой и кричать: «Я знаю!» Пускай зритель не поверит в подлинность, но пусть увидит, что может быть красивая жизнь. Если после моего фильма хоть кто-то помоеет окна, totally грязные по всей стране, уже хорошо.

— Вам не кажется, что «Летний дождь» идет уж очень вразрез с традициями реалистического восприятия мира?

— Я все равно буду снимать такое кино. Я человек нетерпимый. Меня приводит в бешенство, когда что-то сделано неправильно или некрасиво. Один из моих любимых авторов — Уайльд. Раз в два-три года я перечитываю «Портрет Дориана Грея». Для меня это роман не о том, как человек продал душу, а о том, как человечество хочет быть вечно молодым и красивым.

— В «24 часах» ваши герои, хоть и жили по законам криминальной драмы, имели семью или какое-то братство. В «Летнем дожде» все существует без семьи, в каком-то вакууме. Это дань жанру любовной истории, где лишние персонажи не должны пу-

таться под ногами, или вы хотели говорить об одиночестве?

— Одиночество нынешнего человека меня действительно очень волнует. Как человек восточный, я привык к большим семьям, где разные поколения живут совместно. И теперь, когда дети лет в шестнадцать уходят из дома и начинают жизнь самостоятельно, меня это ужасает. Еще страшнее, когда взрослые люди оказываются выброшены на обочину жизни и вынуждены ждать помощи от своих детей. Женя Трофимова, исполнительница главной роли в «Летнем дожде», работает с тринадцати лет. Она реально содержит свою семью.

— Не кажется ли вам, что в «Летнем дожде» слишком бледная эмоциональная палитра: ни перепадов, ни кульминаций?

— Двадцать лет назад один итальянский киновед спросил меня: «Почему в советском кино люди либо хамят друг другу, либо глубокомысленно рассуждают? И никто не скажет по-человечески: «Как дела? Купил хлеба? Почистил зубы?» И все двадцать лет я думаю о том же. У нас в кино никто не говорит на бытовом языке. Почему авторы стремятся перенести свои рассуждения о смысле жизни в бытовую жизнь героев? Когда речь идет о философских произведениях, о Тарковском

или о «Конформисте» Бертолуччи, я это принимаю. Но ведь есть и «Ускользающая красота», где люди говорят про простые вещи и говорят очень просто.

И уж ни в коем случае я не позволю своим персонажам хамить. Если один из персонажей хамит, другой встает и вынимает револьвер, как в «24 часах». За хамство человек должен быть наказан. Вот я, что называется, плохой парень, bad guy, как сказали бы американцы. Но я не ору, не хамлю, говорю спокойно. Яркие эмоции не могут быть нормой жизни. Кстати, в реальной истории, положенной в основу сценария, молодой человек поехал следом за девушкой в Сочи и разбился. Но я почувствовал, что в фильме не могу убить героя. Просто рука не повернулась.

— Как вы относитесь к проблеме создания национального кинематографа?

— Понятно, что он не создается по заказу. Национальная идея исходит из образа жизни нации. Наш народ находится в ситуации бедности. Какая национальная идея у бедного человека? Найти средства к существованию, купить необходимое. И снимать про это кино? Кто угодно, только не я! Я задохнусь от слез, снимая о том, как бедные люди заняты поиском куска хлеба. Что вы смеетесь? Я серьезно говорю, я сентиментальный человек.

Режиссер Александр Атанесян пытается привить нашему кино гламурность.

Кадр из фильма «Летний дождь»